

НЕДОСОЗДАНИЕ.

Вотще онъ стонетъ изступленный;

Ему не внемлетъ Фебъ скупой:

И гибнетъ мѣръ новорожденный

Въ еруди безсилой и нбмой.

Х о м я к о в ъ.

Есть существа, рожденныя съ чувствомъ Поэзіи, съ воображеніемъ живымъ и шворящимъ, съ обиліемъ идей, — и при всѣхъ сихъ стихіяхъ Поэза безмолвствующія не изъ скромности, не отъ лѣни, или скупаго эгоизма. Нѣтъ! онѣ болѣютъ своею шворческою полношю, онѣ мучатся внутреннимъ своимъ плодородіемъ; но не могутъ ничего произвести. Созданія свѣжія, прелестныя, возвышенныя, зараждающія въ душѣ ихъ, и умираютъ зародышами до появленія на свѣтъ. Имъ недостаетъ дуновенія жизни, воплощенія въ формы оцущительныя.

Человѣкъ, надѣленный симъ внутреннимъ шворчесствомъ, чувствуешь необходимость

облечь свои мечпы въ живое слово, хочеть бышь Поэшомъ. Передъ нимъ мелькають слова огненныя, окриенныя, возносящіяся надъ плѣніемъ земнымъ, могуція пережитьъ вѣки и гошовыя пролишься пламенною спруею въ души современниковъ и попомспва. Онъ ловишь ихъ съ напряженнымъ усилениемъ, но они ускользають опъ него, какъ рѣзвая бабочка опъ руки младенца; и если удастся ему поймать изъ нихъ хопя нѣсколько, то онъ, упранивъ прежнюю свою прелеснь и свѣжеснь въ изнуришельной бишь, упрямо ложатся подъ перомъ его, не у мѣспа, безъ блеска, безъ единспва, безъ связи, вялыми и безжизненными. Спихъ его, копорый до словесной своей оболочки казался ему чистымъ, звучнымъ, сладоспнымъ, шеперь является слабымъ, грубымъ, шероховапымъ, и дикимъ ревомъ ондаешся въ слухъ самого Поэша-спруженика. Въ жару негодованія, онъ предаепъ огню недосозданныхъ своихъ первенцевъ, и спыдипся собспвенной челошеческой немощи передъ своею силою духовною.

Онъ хочеть бышь живописцемъ, оспановишь живошворною киспью на полопнѣ быспрый полешъ своей фанпази. Условія испуспва ему извѣспны: онъ изучалъ ихъ по образцамъ вѣковымъ, самобышнымъ. Мысленный взоръ его видишь надъ собою чершы свѣшлыя, плѣнишельныя, опраженіе небесна-

го на земль; онъ проникнушы ярко-блещущими красками радуги; жизнь, какъ въ зеркаль, опсвѣчивается въ нихъ; но жизнь высшая, идеальная. Онъ вскакиваетъ въ восторгъ, спѣвши набросаетъ ихъ на полотно; но сіи чершы, за минушу споль совершенныя, споль ясныя, споль полныя, выказываются изъ-подъ его кисти разрозненными, несвязными и мушными. Прошла минуша вдохновенія; представленіе споль живое испарилось изъ воображенія Художника; и щещно онъ силился собрать воедино сіи разбросанныя чершы: изъ нихъ никогда не выйдешь прекраснаго цѣлаго... Неблагодарная кисть покрываетъ слоями одной краски сей прудъ неблагодарный.

Но есть еще возможность осуществити свои созданія, есть еще средство Художнику дѣйствовать быстро и сильно на сердца и души: онъ хочетъ быть музыкантомъ. Цѣлый міръ звуковъ зыблется надъ нимъ, всплываетъ въ его душу и рвется вылиться изъ нея свѣтлою, очаровательною рѣкою сладкогласія. Онъ слышитъ гармонію небесъ; самыя дивныя созвучія оплываютъ въ ушахъ его и сливаются въ одно спройное цѣлое.... О! поспѣшай, поспѣшай схватити ихъ и водворити въ своемъ произведеніи по законамъ гармоніи!... Поздно! онъ положилъ ихъ на ноты, ударилъ пальцами по струнамъ — и

самъ изумился разногласію созданія съ произведеніемъ. Звуки сладостныя, лелѣющіе слухъ и достигающіе до сердець, оплелѣли въ эфирную свою опчизну; оспались шолью неспройныя, ревушіе аккорды, раздирающіе слухъ своею жесткостью, либо произвительнымъ визгомъ. Или, если они и подчинены правиламъ, подведены подъ ладъ и единство; но уже ушрашили первобытную новостъ и своеобразностъ, и сдѣлались ушомительными для слушающаго, слабо напоминая ему нѣчто знакомое и лучшее. Художникъ-Иксіонъ влянешъ свою лживую Юнону-фанпазію, оболъспительный призракъ безъ осязанія и сущности, и шорониши испребишь земную невѣрную шѣнь ея.

/ Обманушій въ своихъ начинаніяхъ, не довѣряя болѣе своимъ мечтамъ, онъ сифшишь уединишь въ самого себя. Тамъ міръ свѣшлый и шворящій, міръ идеаловъ и мыслей, всегда новыи, всегда юныи, всегда заманчивыи оиашъ объемлешъ его и заспавялешъ ушѣшишь въ неудачахъ. Тамъ созданія, образы, звуки, цвѣща, попеременно и спройно услаждающъ его чувства духовныя. Но сей міръ не даешъ душѣ покоя: онъ шерзаетъ, шомишь ее, поминушно приводя въ болѣзненныя сопрясенія, подобно избышку крови въ здоровомъ шѣлѣ; онъ просишь жизни, просишь воплощенія въ сущешвенностъ....

Онъ пересиливаетъ и страхъ, и досаду, и недовѣрчивость своей жершвы, — и новыя попытки ея соспавляютъ только цѣпь новыхъ, убійственныхъ разочарованій....

Пусть объяснятъ намъ Физиологи причину сего страннаго недосозданія; пусть они докажутъ намъ: отъ чего воображеніе пылкое, богатство мыслей, короче, всё стихіи Поэза, какъ мы уже сказали выше, бываютъ еще недостапочно для художественной производительности? Мы видимъ явленія сего загадочнаго раздора двухъ силъ: внутренней и внешней, подозрѣваемъ его дѣйствія; но причина его еще сокрыта отъ насъ завѣсою непроницаемой. Лафатеры, Галли, Алиберы! вы должны рѣшить сію задачу.

О. Сомовъ.

